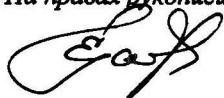

0-770406

На правах рукописи

ГАЙДУКОВА Евгения Борисовна

**СЮЖЕТ О ЦАРЕ-СТАРЦЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ТЕКСТОВ О ПРАВЕДНИКЕ
ФЁДОРЕ КУЗЬМИЧЕ)**

10.01.01 - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск - 2008

600031

Работа выполнена на кафедре русской литературы филологического факультета ГОУ
ВПО «Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

Научный руководитель -

доктор филологических наук, профессор
Чмыхало Борис Анатольевич

Официальные оппоненты -

доктор филологических наук, профессор
Бахтина Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Разувалова Анна Ивановна

Ведущая организация -

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
университет»

Защита состоится 13 апреля 2008 г. в ____ часов на заседании диссертационного
совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора фи-
лологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «3» 03 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437391

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л. Захарова

Л.А. Захарова

Традиционные сюжеты и мотивы, чье изучение началось в XIX веке и по сей день не утратило своей актуальности, являются теми элементами, которые в наибольшей мере скрепляют единое целое русской литературы, связывая между собой разновременные эпохи. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению корпуса текстов, варьирующих сюжет о «странствующем» императоре Александре I - Федоре Кузьмиче.

Старец Федор Кузьмич уже в конце XIX века представлялся легендарной фигурой. Сюжет о нем возник как результат мифологизации реальной исторической личности и подлинных событий, в результате чего они утратили историческую и личностную конкретность и вступили на длительный этап идейно-семантического обобщения. Вследствие этого процесса разнообразные слухи и предания «кристаллизировались» в единое сюжетное целое. Федор Кузьмич приобрел способность включаться в нарративы, конструируемые различными группами реципиентов. Он выступает и как отрекшийся император, и как апостол скопцов, и как местночтимый томский святой, и как бродяга и каторжник, и как духовный наставник. В этих столь различных качествах в коллективной памяти сохраняются различные части «биографического нарратива» Федора Кузьмича и регулярно могут воспроизводиться в художественных произведениях. В связи с этим исследование обозначенного сюжета в ракурсе литературных традиций представляется весьма перспективным.

Актуальность данной работы связана с усилившимся в последнее время в отечественной науке интересом к типологии сюжетов русской литературы (Ю.М. Лотман, С.Г. Бочаров и др.), к взаимодействию художественных систем фольклора и литературы (сб. «Миф и литература», «Современная российская мифология»). В этом отношении постоянно приковывающий внимание исследователей¹ историко-легендарный сюжет о Федоре Кузьмиче представляется максимально репрезентативным.

Также в отечественной гуманитарной науке в последние десятилетия активно развивается духовно-аналитическое движение, направленное на выявление христианских мотивов и образов в художественной литературе. В рамках этого направления идет широкая практическая работа по описанию литературного материала, имеющего непосредственное отношение к русской православной традиции. Однако личности Федора Кузьмича в основном оказывали внимание историки, литературоведческие работы на эту тему нам неизвестны. Данное диссертационное исследование представляет собой

¹ Только в последние годы издано несколько монографий о Федоре Кузьмиче: Фомин С.В. Сибирский старец Федор Кузьмич. - М., 2003; Трубецкой А. Александр I. - М., 2003; Привалихин В.И. Так был ли старец Федор императором Александром? - Томск, 2004; Федоров В. Александр Благословенный - святой старец Федор Томский (монарх - монах). - Томск, 2004; Гриневич Г.С. Тайна императора Александра Первого. - М., 2005; Громыко М.М. Святой праведный Феодор Кузьмич - Александр I Благословенный. Исследования и материалы к житию. - М., 2007.

первый пример работы, в ходе которой предпринята попытка анализа индивидуальных черт сюжетного состава произведений о Федоре Кузьмиче в русской литературной традиции.

Целью исследования является комплексное изучение национально значимого сюжета о Федоре Кузьмиче как самостоятельной поэтической формы и целостной системе мотивов.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Проанализировать источники, зафиксировавшие фрагменты легенды о Федоре Кузьмиче, охарактеризовать специфику генезиса и развития сюжетных схем.
2. Ввести и обосновать понятия «сюжет о царе-старце», «подвиг отречения от имени и статуса».
3. Установить типологические связи корпуса текстов о Федоре Кузьмиче с произведениями иных культурно-исторических эпох.
4. Раскрыть особенности циклизации сюжета, обусловленного включением в корпус произведений о царе-старце героев-«двойников», выявить типологически близкие мотивы в повествованиях о Федоре Кузьмиче и в народных преданиях о Вере-Молчальнице, отшельнике Игнатии, старцах Данииле Ачинском и Василии Каптыревском.
5. Охарактеризовать структурные и поэтические особенности художественных произведений русской классической и региональной литературной традиции, созданных с использованием мотивов легенды о Федоре Кузьмиче.

Объектом исследования является изучение тенденций художественного освоения концепции отречения, которая лежит в основе Священного Писания и поэтому может быть определена как метасюжет духовной культуры.

Предмет исследования - практическая реализация указанного метасюжета в виде корпуса текстов о легендарном старце Федоре Кузьмиче.

Круг **материалов** исследования составляют принципиально важные примеры литературно-исторического осмысления легенды о праведном старце: образцы агиографической и духовной литературы (Томская и Новосибирская редакции жития Святого праведного старца Феодора Томского), фольклорный материал (легенды, слухи, рукописные свидетельства о посмертных чудесах, духовные стихи скопцов) и произведения классической русской литературы и литературы Сибири конца XIX - нач. XXI вв. (Л. Толстой, Н. Энгельгард, П. Гнедич, Д. Мережковский, А. Белый, А. Добролюбов, С. Бехтеев, А. Макарова-Мирская, К. Случевский, П. Бунин, Е. Глуховцова, Д. Андреев, Д. Самойлов, А. Кузнецова, Л. Бежин, В. Петрицкий, Н. Хоничев, П. Бецкой, В. Бунич, Г. Петров, В. Кожаринов, Т. Толстая, Д. Барчук, В. Сорокин, А. Литвин, Н. Бренников, Н. Ганина, С. Князев, Г. Аккудинов, Е. Витковский, Э. Бурмакин, В. Шамшурин).

Анализ столь разнородного на первый взгляд материала включает в себя как национальный, так и исторический аспекты, рассмотренные по принципу типологического сравнения, укорененного в духовном метасюжете культуры.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сюжет о Федоре Кузьмиче, возникнув как сибирское сказание, быстро перерос локальные рамки Сибири и оформился в национально значимый.

2. Корпус текстов о Федоре Кузьмиче типологически связан с произведениями иных культурно-исторических эпох, соотнесенных с духовно-философской темой отречения и преображения. Исследование ряда текстов восточной и западной литературной традиции, а также памятников древнерусской книжности позволил выявить принципиально важные инвариантные мотивные блоки, представленные в каждом из текстов конкретной сюжетной реализацией: 1. Уход героя, 2. Переодевание, 3. Узнавание героя.

3. Сюжет о царе-старце развивается как линейно, так и циклически, в результате чего в корпус произведений о Федоре Кузьмиче включаются разнообразные тексты, восходящие к одной ритуально-мифологической схеме, центральные герои которых являются свособразными «двойниками» легендарного сибирского старца (предания о Вере-Молчальнице, старце Авраамии, отшельнике Игнатии, подвижниках Данииле Ачинском и Василии Каптыревском).

4. Подробный анализ возникновения и эволюции цикла легенд о Федоре Кузьмиче, позволяющий рассматривать сюжет о царе-старце как самостоятельную поэтическую форму и целостную систему мотивов, показал:

- сюжет о царе-старце состоит из двух частей, чьи структурные компоненты могут быть реализованы в конкретном художественном произведении как в полном объеме, так и частично;

- первая структурная часть сюжета состоит из десяти мотивных блоков, связанных с жизнью в Сибири старца Федора Кузьмича; элементы второй структурной части сюжетной схемы связаны с обстоятельствами мнимой смерти императора Александра I и его таинственного ухода;

- центральный мотивный блок, знаменующий собой лиминарную стадию бытия героя, связывающий между собой первую и вторую структурные части сюжетной схемы, связан с переодеванием героя и его уходом под чужим именем.

5. Обращение к сюжету о царе-старце Л. Толстого позволяет судить о масштабе влияния личности Федора Кузьмича на русскую литературу. Повесть Л. Толстого, представляющая собой первую литературную обработку легенды, стала сюжетом-образцом по отношению к последующим опытам обращения к исследуемому сюжетно-образному материалу.

6. Многократные обращения к сюжету о царе-старце на протяжении XX века обнаруживают его жизнеспособность, возможность реализовываться в разнообразных жанровых формациях. В ключевых текстах конца XX - начала XXI вв., варьирующих сюжет о старце-царе, структура классического сюжета претерпевает собственную деконструкцию. Яркий пример десакрализации образа Федора Кузьмича представлен в романе Т. Толстой «Кысь» - эмблематичном примере мифотворчества конца XX века.

В методологии работы сочетаются принципы структурно-типологического, сравнительно-сопоставительного и мотивного методов анализа. Труды М. Бахтина, Ю. Лотмана, А. Панченко, Б. Успенского, В. Живова в области семиотики культуры; Е.М. Мелетинского, А.Л. Зорина, В. Проскуриной, Е.Е. Левкиевской по изучению механизмов образования мифологических моделей; О. Фрейденберг, А. Веселовского, В.Я. Проппа, Б. Путилова, В.И. Тюпы, Б.М. Гаспарова, В.В. Прозорова, И. Силантьева по теории сюжета и мотива определили методологический фундамент диссертации.

Научная новизна исследования связана с тем, что в научный оборот вводится понятие «сюжет о царе-старце», систематизирован и описан разнообразный материал, связанный с проблемой генезиса и эволюции сюжетных схем, при этом некоторые источники публикуются впервые. В работе обозначен круг произведений русской литературы конца XIX - нач. XXI вв., в структуре которых задействованы отдельные элементы и группы мотивов сюжета о Федоре Кузьмиче, и предпринята попытка литературоведческого анализа этих текстов, что позволило увидеть новые пласты смысла данных произведений и выявить их внутреннее единство. Наконец, в диссертации подробно проанализированы полярные рефлексии исследуемого сюжета (творчество Л. Толстого и Т. Толстой); расположенный между «полосами» корпус «переходных» текстов обозначен как необходимая составляющая жизнеспособности сюжета.

Научно-практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования содержащихся в работе материалов, положений и выводов в общих лекционных и специальных курсах по истории русской литературы в высшей школе, в частности, при создании научно- и учебно-методических пособий для студентов-филологов. Работа представляет интерес для педагогов дополнительного образования, составляющих авторские учебные программы по истории русской духовной культуры: в данном случае материалы исследования могут являться частью регионального компонента программ. Результаты работы также могут быть использованы при составлении словарей сюжетов и мотивов, в энциклопедической практике при составлении комментариев к текстам русских авторов.

Диссертация прошла **апробацию** на кафедре русской литературы Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева и на конференциях по христианству, культуре и литературе, среди которых: «VIII Рождественские чтения» (Красноярск, 2006), «Первые музейные научно-образовательные чтения "Сквозь века несущие

свет» (Красноярск, 2006), «IV астафьевские чтения: Всероссийская научная конференция» (Красноярск, 2006), «IX Рождественские чтения» (Красноярск, 2007), «Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты» (Магнитогорск, 2007), «X рождественские чтения» (Красноярск, 2008).

Содержание исследования отражено в шести публикациях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 321 наименование. Общий объем исследования 215 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность, научная новизна, практическая ценность работы; определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, указываются методы исследования, характеризуется степень изученности проблемы.

Первая глава «Истоки сюжета о Федоре Кузьмиче. Текст и контекст» посвящена анализу народных представлений, питавших миф об «Александре-отшельнике» (Н. Голицын), а также рассмотрению основных аспектов формирования и функционирования сюжета о царе-старце в русской литературе конца XIX - XX вв.

В первом параграфе - «Источники цикла легенд о Федоре Кузьмиче» - характеризуются источники, способствовавшие соединению легенды о мнимой смерти Александра I и предания о загадочном сибирском подвижнике в одно сказание.

Сюжет о Федоре Кузьмиче «происходит» из Сибири. Впервые в печати имя старца появляется в 1868 г. в «Воспоминаниях о Преосвященнейшем Афанасии Архиепископе Казанском» игумена Парфения. После смерти подвижника купец С.Ф. Хромов составляет рукописное «Жизнеописание великого старца Феодора Косьмича». О широком распространении в Сибири предания о старце свидетельствует и обнаруженная нами в архиве КККМ легенда, записанная в 1928 г. красноярским фольклористом и краеведом М. Красноженовой в д. Ермолаево Красноярского округа. Этот текст, ранее неизвестный, содержит те данные о старце, которые были распространены в Сибири в конце XIX - начале XX вв.¹

В 1880-х гг. Хромов отвез свою рукопись в Петербург, где она стала известной и даже ходила в списках. Она, а также неясные слухи и толки, уже бродившие в народе во второй половине XIX в., обусловили появление целого ряда статей и заметок, печатавшихся с 1880 по 1895 гг. большей частью в «Русской старине» и «Историческом вестнике» и посвященных личности Федора Кузьмича (Н.С. Голицын, В. Долгорукий, И. Смирнов, М. Пыляев, З. Барш, М. Мельницкий, И. Кузнецов-Красноярский).

¹ КККМ. О/Ф. 7886 / 123. Со слов Палагеи Тихоновны Карловой, 80 лет. Стр. 224-225.

Позже, на материале хромовского рукописания и сведений периодической печати Е.З. Захаров издает (1891 г.), а затем и переиздает (1892, 1894 гг.) «Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Кузьмича» - целостное печатное произведение о подвижнике, ставшее впоследствии основой всего сюжетного комплекса.

Практически сразу после появления нескольких переизданий «Сказания...», личностью Федора Кузьмича заинтересовались историки (Н.К. Шильдер, Н.М. Романов, Г. Василич, кн. В. Барятинский, Е. Шумигорский, К.Н. Михайлов, К.В. Кудряшов). В своих трудах они официально объединили известия о сибирском подвижнике с легендой об Александре I, привлекая круг разнообразных материалов.

I) Документы, касающиеся последних дней жизни Александра, вызывающие разночтения, сомнения историков и биографов: дневники, письма, воспоминания членов императорской фамилии, приближенных и современников царя.

II) Высказывания самого императора, зафиксированные его приближенными и современниками, в которых он упоминал о желании отречься от престола.

К этой же группе считаем уместным причислить ряд преданий, касающихся тайных посещений Александром монахов и схимников (схимника Николая на Валааме, схимника Вассиана-слепого в Киево-Печерской Лавре, старца Серафима Саровского в 1825 году, схимонаха Алексия в Александро-Невской Лавре в ночь перед отъездом в Таганрог), а также ряд мистических предсказаний Александру Павловичу, сделанных в разное время на протяжении 1801-1820 гг. монахом Авелем, скопцом Селивановым, схимником Александро-Невской Лавры Алексием.

III) Московские слухи, записанные дворовым человеком Ф. Федоровым, о таганрогских и последующих событиях. Часть их рассмотрена вел. кн. Н.М. Романовым (1907 г.), всем слухам (в количестве 51) посвящена специальная работа С.Н. Чернова (1934 г.), приводятся они и в статье В. Сыроечковского (1934 г.).

IV) Отдельную группу составляет ряд легенд, варьирующих обстоятельства мнимой смерти императора: истории, записанные В.М. Флоринским (1906 г.), И.Б. Тенеромо (1905 г.), г. Арзамасцевым (1909 г.), вел. кн. А.М. Романовым (1932 г.).

С течением времени легенда о не-смерти Александра в Таганроге обрала все более красочными подробностями и способствовала возникновению ряда дочерних легенд. Так, одна из них сообщала об исключительном случае самозванства (в Сингапуре объявился «сын императора Александра I», прижитый им в Сибири), другая - о загадочном исчезновении (смерти) тех, кто был причастен тайне ухода царя (отравление кучера императора Ильи Байкова, внезапная смерть «курских любопытных» через год после таганрогских событий).

Указанные разноплановые источники способствовали соединению двух разных легенд (о мнимой смерти Александра I и о загадочном сибирском подвижнике) в одно сказание и формированию единого сюжета.

Во втором параграфе - «Сюжет о царе-старце в историко-культурной перспективе» - рассматривается комплекс представлений, объединенных «тематическим стержнем» - верой в возможность императора проститься со своим прошлым и отречься от бремени власти. Также, исходя из специфики подвига Федора Кузьмича, синтезирующего разные жанровые традиции, обосновывается понятие «подвиг отречения от имени и статуса».

С. Аверинцев в 1988 г. писал: «...Посреди цивилизованного XIX столетия в России возникает предание о старце Федоре Кузьмиче - нельзя же было примириться с мыслью, что Александр I, прикосновенный к убийству своего царственного отца, так и умер императором»¹. С середины XIX века личность Федора Кузьмича становится выражением формулы добровольного отречения в сознании русского народа и в этом качестве доживает до наших дней. Неоднократно подчеркивалось (И. Наживин, Н. Шильдер, Л. Толстой, А. Болотов), что на подобный шаг был способен *только* русский царь, и подвиг этот должен поднять на небывалый уровень престиж царской власти и самой России. Такая репрезентация Федора Кузьмича была господствующей, но не единственной: другие точки зрения, принадлежавшие историкам и ученым, часто противоречили логике народного сознания, подчиняясь государственной идеологии. Так, монархические историки (Н.К. Шильдер, Н.М. Романов и пр.), как правило, выступали против отождествления Александра и Федора Кузьмича. В результате, появились новые версии о том, кто был на самом деле старец: кавалергард Ф. Уваров, незаконный сын Павла I, митрополит, беглый каторжник.

В работах советских историков об Александре I тема возможного ухода императора практически не затрагивалась; если же говорить о легенде приходилось, то такие публикации носили разоблачительный характер.

Все это, однако, противоречит логике художественного творчества, согласно которой Федор Кузьмич - царь, направившийся на дальний рубеж своей империи и жаждущий спасения, так как духовное просветление - это странничество и сложный подвиг отречения от своего прошлого, а Сибирь - мифогенное пространство, максимально соответствующее реализации этого подвига (Ю. Лотман).

В основе фундамента, на котором выстроились фольклорные воззрения, вызвавшие к жизни легенду о Федоре Кузьмиче, с одной стороны, лежит древний культурный архетип отождествления царя и изгоя (М. Бахтин, Б. Вышеславцев, Дж. Фрэнсер, А. Панченко). С другой - принципиальной является специфика восприятия Царя в православной России, связанная с устойчивой ассоциацией власти и веры. Совершаемый над царем при венчании на царство обряд миропомазания являлся, фактически, вторым крещением, после чего образ монарха сопрягался с образом Христа. Следовательно, от царя, являющегося душою, верой и совестью «земли Святорусской» (Е. Барсов) могли

¹ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. // Новый мир. 1988. № 7. С. 220.

ожидаться действия, совершавшиеся Христом или его учениками - святыми апостолами. Легенда о Федоре Кузьмиче оказывается типологически связанной с сюжетами о нищем, скрывающемся царе, которые «существуют параллельно с созданными по сходной схеме сюжетами о Христе - нищем, Христе неузнанном»¹. В отношении легенды об императоре-старце христианская формула «был первым - стал последним, а последние станут первыми» (Посл. Павла к филиппийцам II: 5-8) мыслится чрезвычайно актуальной: первый в Империи человек становится последним из бесправных - беспаспортным бродягой, великий грешник и «разбойник» превращается в святого подвижника.

В означенном контексте внимания заслуживает специфика подвига святого старца, в представлении о котором объединились разные христианские ипостаси. Такие виды подвижничества, как «социальное опрощение» (Г. Федотов), отшельничество (Н. Голицын), странничество и старчество (игумен Силуан) могут считаться социальной ролью Федора Кузьмича в определенный момент его жизни, но не приводят нас к формулировке понятия, обнимающего все указанные виды спасения. Очевидно, что Федор Кузьмич некогда, расставаясь со своим прошлым, *отрекся* от своего имени и социальной роли. В этом основная интрига легенды – подвижник представлялся не кем-нибудь, а самодержцем Российской Империи. Таким образом, определение подвига как «отречение от имени и статуса» представляется наиболее адекватным и отвечающим его сложной многоаспектной структуре.

В третьем параграфе - «**“Сказание о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича...” как протосюжет корпуса текстов о старце Федоре**» - анализируются особенности структуры первого целостного произведения о Федоре Кузьмиче, определяются основные направления и характер его литературной трансформации.

Легенды о старце, распространенные в Сибири, долгое время имели все же территориально замкнутое хождение. Однако после выхода в свет «Сказания о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича...» (Е. Захаров, 1892 г.), вобравшего в себя популярные фольклорно-исторические источники в единое формально-содержательное поле, личность подвижника становится известна широкому кругу читателей. «Сказание...», близкое жанру жития, становится *протосюжетом* для целого ряда произведений русской литературы как XIX в., так и последующих культурно-исторических эпох. В тексте заметна идеализация главного героя, чье жизнеописание организовано преимущественно по тематическому принципу; акцентированы детали, повторяющиеся позже в *каждом* произведении о старце; значительную часть «Сказания...» составляют чудеса, творимые подвижником при жизни, а также посмертные чудеса.

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. - Новосибирск, 2003. С. 12.

Федор Кузьмич - личность одновременно биографическая и мифологическая. Как всякий национальный символ, она строится на подвиге – некоем «мифологическом действии» (В. Живов). Еще Ю.М. Лотман высказывал предположения, что весь корпус сюжетов о старце выстраивается по следующей схеме: конкретное преступление замещается осознанием своей жизни как греховной, за чем следует попадание в Сибирь на каторгу и «воскресение». Ученый подчеркивал, что для реализации мотива «воскресение» в сюжетной схеме Сибирь обладает принципиальным значением. Мифологическим же действием, организующим внутреннюю структуру образа Федора Кузьмича как национального символа, является его *отречение* от своего прошлого, от имени и статуса.

Агиографическое предание в центре корпуса сюжетов о старце помимо четкой структурной организации характеризуется потерей способности к развитию. Максимально возможные трансформации, которые оно может переживать - *дописывания*, дополнения эпизодами встреч, узнаваний, исцелений, случаями прозорливости, посмертных чудес и подобными тематическими элементами.

Как привычное современному читателю повествование, «Сказание...» имеет отмеченность начала и конца, что, однако, условно, так как сам сюжет может начинаться с любого места. Так, большинство текстов, тяготеющих к протосюжету, начинаются с сообщения о ссылке старца в Сибирь. Символическая смерть героя не завершает, а открывает повествование. Но эпизод о кончине старца также не завершает повествование, так как следом обыкновенно рассказывается, какие слухи ходили о нем в народе, и делаются предположения о том, кем он был на самом деле. Повествование здесь получает новый виток, содержащий информацию о жизни Федора Кузьмича *до* Сибири.

Одна из особенностей «Сказания...» в том, что в нем формально не представлен важнейший структурный компонент сюжета - мотив переодевания и смены имени. Он позиционирует собой лиминарную (А. ван Геннеп), стадию символической смерти героя, когда герой меняет не только внешний облик (меняя костюм, он меняет статус), но и внутренний (отрекаясь от имени, он отрекается от прошлого). Однако в «Сказании...» версия об уходе Александра I не излагается, и текст завершается посмертными чудесами старца и намеками на его высокое происхождение. В этом случае мы отмечаем, что мотив переодевания включен в повествование имплицитно и реализуется как характеристика привычек, манеры держаться, говорить, уровня образованности героя.

К «Сказанию...» как протосюжету восходит ряд жизнеописаний старца Федора Кузьмича конца XIX - начала XXI вв.; возникают и иные интерпретации сюжета-источника в позднейших литературных произведениях. Писатели привлекают мало-распространенные варианты легенды, акцентируют ускользавшие от взглядов современников детали, вследствие чего происходит не только событийное усложнение традиционного сюжета, но и вводятся новые мотивировки, появляются новые персонажи,

может углубляться проблематика. Благодаря появлению подобных форм освоения традиционного художественного материала возникает спиралевидная эволюция сюжета, что препятствует его семантическому истощению и способствует многократному рождению в литературе.

В четвертом параграфе – «Сюжет об отречении в типологическом освещении» – тексты о Федоре Кузьмиче сопоставляются с рядом произведений иных культурно-исторических эпох, что позволяет выявить инвариантные мотивные блоки, имеющие принципиальное значение для формирования исследуемого национального сюжета.

В основе сюжета о Федоре Кузьмиче лежит мифическая формула, по которой власть имущий человек переживает ряд душевных потрясений и отрекается от мира, в результате чего меняет статус правителя на статус странника со всеми необходимыми для того составляющими: поступок героя воспринимается близкими как смерть или сумасшествие; обращение сопровождается переодеванием в рубище нищего; жизнь герой ведет аскетическую. Сюжет этот может быть назван «бродячим», следовательно, неизбежно типологическое пересечение легенды с рядом других произведений, основанных на варьировании того же сюжета.

Одними из первых литературных памятников, пронизанных идеей отречения от земной власти, являются Псалтирь и книга Екклесиаста, а также Новый Завет, где названная идея нашла выражение в крайне емких фразах-формулах, давно ставших сентенциями [Лук. 1: 2-3; 12-14; Матф. 6, 19 - 21, 24, 29].

Выявляя аспекты типологической связи между корпусом текстов о Федоре Кузьмиче и текстами иных культурно-исторических эпох, мы сфокусировали внимание на произведениях русской агиографической традиции, как переводных («Житие Алексия, человека Божия»; «Житие преподобных Варлаама и Иоасафа, царевича Индийского, и отца его царя Авенира»), так и оригинальных («Житие Варлаама Печерского»; «Житие Николы Святоши»; «Житие Андрея Смоленского»; «Житие Михаила Клопского»). Также для сопоставительного изучения привлечены повесть о Будде и так называемое сказание о Магнусе, Шведском короле. Повесть о принце Сиддхартхе является хрестоматийным примером отречения правителя, достигшего впоследствии *просветления*. Во втором же случае, принципиальным оказывается контекст, выстраивающийся во круг сказания при первой публикации. Текст этот обнаруживается в книге А.Н. Муравьева «Путешествие по святым местам Русским» (1840 г.) между рассказом о посещении Александром I в 1819 году Валаама и подробным пересказом жития Варлаама и царевича Иоасафа. Интуитивно (или сознательно) ставя данные тексты в один ряд, А. Муравьев конструирует мифологический нарратив, органичной составляющей которого является намек на уход Александра и, возможно, на его грядущее «преображение».

В рассматриваемых текстах был выделен общий аспект: духовное преображение как результат отречения от статуса, к чему добавляется мотив «удаления», а также ряд принципиально важных инвариантных мотивных блоков, представленный в каждом из текстов конкретной сюжетной реализацией.

1. Уход героя. Блок мотивов может быть представлен четырьмя конкретными реализациями: герои уходят тайно или явно, уходят в монастырь или в безвестные страны. Особое внимание уделяется *тайному* уходу героя, что является свидетельством добровольного унижения, опрощения, стремления пострадать.

2. Переодевание – самая важная группа мотивов в сюжетной схеме. Она позиционирует собой лиминарную стадию перехода героя от светской жизни к духовной. В анализируемых текстах она представлена актом «снятия» прежнего костюма и облачения в новый, к чему иногда добавляется и смена имени.

3. Узнавание героя (встречается не во всех текстах). Если герой совершает свой подвиг тайно, и близкие считают его умершим, то закономерно наличие мотива счастливого узнавания героя (иногда происходящее после смерти подвижника).

Вторая глава «Цикл легенд о Федоре Кузьмиче: генезис и развитие сюжетных схем (сопоставительная часть)» посвящена анализу и сопоставлению ряда ключевых текстов-жизнеописаний Федора Кузьмича, что позволяет реконструировать инвариантную схему сюжета о царе-старце. Также выясняются особенности процесса циклизации сюжета, связанного с проблемой «обрастания» образа Федора Кузьмича героями-«двойниками».

В первом параграфе - «Жизнеописание старца Федора Кузьмича: история сюжетосложения» - проводится структурный анализ текстов-биографий Федора Кузьмича конца XIX - XX вв. В результате выстраивается инвариантная сюжетная схема; устанавливается, какие элементы являются константными в данном сюжете, какие мотивы получают дополнительное развитие, привносятся в сюжет в процессе его эволюции или оказываются непродуктивными.

Для выписывания инвариантной схемы сюжета были выявлены и охарактеризованы 20 жизнеописаний Федора Кузьмича 1892 - 2002 гг., представляющие наиболее репрезентативными, также был проведен их структурный анализ. В итоге были получены своеобразные цепочки мотивов, повторяющиеся в разных вариантах сюжета. После сопоставления их между собой вырисовывается парадигма сюжета о легендарном старце, в которой можно выделить несколько основных блоков мотивов, присутствующих в каждом сюжете.

В каждом новом произведении мотивы и их конкретные сюжетные реализации причудливо группируются, обеспечивая тем самым разнообразие текстов о Федоре Кузьмиче. Специфика всех повествований о легендарном старце такова, что позволяет авторам по собственному желанию не только переставлять блоки местами, но и пере-

мешивать отдельные мотивы и их конкретные сюжетные реализации как внутри конкретных блоков, так и между ними.

Структура сюжета о Федоре Кузьмиче

Блок I. Прохождение искуса (досибирский период жизни старца)

Блок II. Появление старца в Сибири.

II А – «явление» старца

II А₁ – верхом на лошади

II А₂ – на лошади, впряженной в телегу

II А₃ – не сообщается

II В – спутники Федора Кузьмича

II В₁ – без спутников

II В₂ – с министром

II В₃ – с двумя «товарищами»

II С – решение участи

II С₁ – ссылка в Сибирь как мера наказания

II С₂ – сам просит, чтобы его отправили в Сибирь

II D – мотив смены костюма

Блок III. География странствий.

III А₁ – посещение Красноярска

III А₂ – посещение Иркутска

Блок IV. Осознание своей жизни как греховной.

IV А – позиционирование себя как грешника, разбойника

IV В – молитва

Блок V. Столкновения с «гонителями».

Блок VI. Узнавание в старце Александра I.

VI А – узнавание двумя придворными (допускаются варианты)

VI В – эпизод с графом Клейнмихелем

VI С – прочие случаи узнаваний

Блок VII. Мотивы, связанные с «тайной» Федора Кузьмича.

VII А – старец открывает / скрывает правду о себе

VII А₁ – отказ сообщить правду о себе

VII А₂ – мотив исповеди

VII А₂¹ – открытие своей тайны избранным

VII В – свидетельства и намеки, что Федор Кузьмич – Александр

VII В₁ – старец сам намекает на свое высокое происхождение

VII В₂ – окружающие старца распространяют слухи о его высоком происхождении.

Блок VIII. Чудеса.

VIII А. Чудеса, творимые старцем: VIII А₁ – чудеса прозорливости

VIII А₂ – чудеса исцеления

VIII А₃ – предсказание своей смерти

VIII А₄ – прочие чудеса

VIII В. Посмертные чудеса: VIII В₁ – чудеса исцеления

VIII В₂ – явление целебного источника.

VIII В₃ – прочие чудеса

Блок IX. Мотив рукописания.

IX А – вензель А

IX В – записки «из мешочка»

IX С – переписка

IX D – прочие случаи

Блок X. Прочие мотивы.

X А – мотив аскезы

X В – встреча старца и царя

Элементы легенд и слухов о таганрогских событиях начинают включаться в структуру сюжета в качестве добавлений, отдельных намеков на «царское» происхождение старца (сюжетные блоки VI, VII, IX, а также II D) с 1907 г. (легенда, записанная Н.С. Голицыным в 1880 г., - счастливое исключение). После появления первых исторических исследований, посвященных личности Федора Кузьмича, иная составляющая сюжета, повествующая о мнимой смерти императора Александра I, начинает активно эксплуатироваться и занимает инициальное положение: из намеков, обмолвок и предположений, *завершающих* то или иное жизнеописание старца, она превращается в объемный рассказ, его *открывающий*.

Анализ выбранных нами для исследования источников позволил выделить основные структурные элементы второй части сюжета: потрясения, пережитые Александром (из которых центральное - участие в убийстве отца); намерения отречься от престола; посещение подвижников (схимников) и беседы с ними; тайный и спешный отъезд в Таганрог; недобрые предзнаменования (камешек в хлебе, свечи днем, смерть Маскова на глазах императора, комета, две необычные звезды на небе, вой собак незадолго до «смерти» царя); симитированная болезнь и смерть (меняется местами с телом умершего солдата / в гроб кладут тело Маскова / в гроб кладут восковую куклу); Александр меняет имя и одежду и уходит.

Последний элемент обуславливает появление блоков I и II первой структурной части сюжета, гарантирует их логическое и мотивированное «сцепление».

Во втором параграфе – «Циклизация сюжета о старце Федоре Кузьмиче: включение в контур сюжета героев-«двойников»» - рассматривается проблема «обрастания» главного героя цикла легенд героями-«спутниками», что свидетельствует о мифологичности изучаемого сюжета.

Практически в одну культурно-историческую эпоху в среде мистически настроенных людей появляются тексты с разными героями, но восходящие к одной ритуально-мифологической схеме. Одновременно с преданием об отречьшемся императоре Александре в народной среде долгое время бытовали легенды о Елизавете Алексеевне (Вера-Молчальница), Константине Павловиче (отшельник Игнатий, странник Федор Михайлов). В Сибири в одно время с Федором Кузьмичом жил местнопочитаемый старец Даниил Ачинский, участник Бородинского сражения и военных кампаний 1813-1815 гг., в 1820 г. решивший вести жизнь пустынника. В Сибири же, но в Минусинском уезде, спасался некий Василий Афанасьевич Непомнящий, больше известный как Василий Каптыревский. Народная молва считала его «лицом загадочным» и в прошлом приближенным к императору.

Появление названных подвижников в контексте легенды о Федоре Кузьмиче свидетельствует о функционировании типичного сюжетного механизма мультипликации главного героя цикла сказаний, «обрастания» его «двойниками».

Указанные герои - исторические личности, как и Федор Кузьмич мифологизированные народным сознанием. Они живут в мифологизированном пространстве (пещеры, монастырь, Сибирь), некогда отреклись от своего прошлого, взяли на себя обет хранить тайну своего «ухода», окружающие угадывают в них если не царствовавших, то, по крайней мере, весьма знатных особ (лишь о Данииле Ачинском доподлинно известно, что он был боевым офицером). Народным же сознанием они оказываются втянутыми в «орбиту» царя-старца: Вера-Молчальница мыслится его женой, Игнатий - братом, старец Даниил - его солдатом, подданным, Василий Каптыревский - министром. Оказывается, что центральный герой анализируемого сюжета - Федор Кузьмич - снабжен «пучком-парадигмой спутников» (Ю. Лотман). Все они включены в мифологический нарратив о старце, причем ни один из них не позиционирует себя как главный герой собственного корпуса сюжетов.

Нами были проанализированы десять источников, содержащие элементы жизнеописаний названных подвижников, в которых повторяются и развиваются мотивы, составляющие основу сюжетной схемы повествований о царь-старце. В результате сопоставления были выявлены следующие типологические черты:

- в «свое» пространство герои попадают, пережив арест, заключение или принудительные работы;

- жизнь героев окутана тайной; в них склонны видеть царственных особ или иных знатных личностей;

- герои не могут встретиться или сознательно избегают встречи, но при этом обладают вещами-сигналами друг о друге. Так, например, у старца Василия хранился портрет Федора Кузьмича и медаль с подписью «князь Волконский» (В. Зикунов). В свою очередь Федор Кузьмич говорил, что имеющиеся у него картины он «купил у какого-то князя Волконского» (кн. Барятинский В.В.);

- герои ведут строгую аскетическую жизнь, в меру своих возможностей занимается тяжелым физическим трудом;

- жизнь героев оказывается связанной с жизнью благочестивых семей, заботящихся о героях при их жизни и охраняют их память после смерти (С.Н. Сидоров, И.Г. Латышев, С.Ф. Хромов заботились о Федоре Кузьмиче; семья В.Л. Боровкова - об отшельнике Игнатии; помещица В.М. Харламова и графиня А.А. Орлова-Чесменская - о Вере-Молчальнице; купец А. Хворостов и семья А.Д. Данилова - о Данииле Ачинском);

- за символическим пространством, в котором пребывают герои, закреплены персонажи- «вредители», мучители героев;

- герои являют чудеса прозорливости, предсказывают день своей кончины, а также могут излечивать душевные и телесные недуги;

- в рукописаниях героев, если они остаются, содержится некая тайна (записки Федора Кузьмича, архив Веры-Молчальницы).

Выявленные сходные черты в повествовании о Федоре Кузьмиче и в народных преданиях о названных подвижниках свидетельствуют об их родстве, взаимовлиянии и о продуктивности сюжета о царе-старце в конце XIX - нач. XX вв.

Третья глава «Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции конца XIX - начала XXI вв.» - посвящена выявлению специфики бытования сюжета о Федоре Кузьмиче в культурном контексте XIX - начала XXI вв.

В первом параграфе – «Ранние литературные версии сюжета о Федоре Кузьмиче: повесть «Посмертные записки старца Федора Кузьмича...» Л.Н. Толстого и ее предшественники» - анализируется структура неоконченной повести Л. Толстого и выясняется специфика представленного в ней варианта сюжета о царе-старце. Повесть Л. Толстого оказывается вписанной в контекст сочинений поэтов-классицистов, А.С. Пушкина и ряда произведений самого классика, соотношенных с философско-религиозной темой отречения.

Тема возможного ухода правителя обратила на себя внимание еще в XVIII в. М.В. Ломоносов в «Надписи 1 к статую Петра Великого», Г.Р. Державин в стихотворении «Вельможа» касались темы опрощения царя Петра, ухода его «за море». Но классицизм не допускал и мысли о том, что правителя может интересовать что-нибудь, кроме государственных дел, поэтому поэты расценивали этот известный поступок первого русского императора исключительно как деяние во благо России: за уходом немедленно следовало возвращение и государственные реформы.

В начале XIX века к сюжету об удалившемся от власти правителе обратился А.С. Пушкин. Наиболее репрезентативной в означенном контексте является стихотворная повесть «Анджело», рассмотренная Ю. Лотманом как трансформировавшийся эсхатологический миф об умирающем (уходящем) - воскресающем (возвращающемся) правителе, который не только по возвращении получает обратно свою власть и силу, но и приобретает святость. Позже сюжет ухода монарха разрабатывался поэтом в незаконченном произведении «На Испанию родную...» (1835 г.).

В 1865 г. Толстой активно работал над романом «Война и мир» и был охвачен мыслью «написать психологическую историю романа Александра и Наполеона». Запись в дневнике писателя от 19 марта 1865 г. свидетельствует о том, что не в начале 1890-х, как традиционно отмечают исследователи, а еще в середине 1860-х гг. Толстой говорит об Александре как об отрекающемся от престола, чем задает перспективу будущего сюжета о Федоре Кузьмиче.

В 80-е гг. XIX века в творчестве Л. Толстого заявляют о себе так называемые «кризисные сюжеты» (А. Тарасов) о внезапном перерождении героя, где просветление наступает внезапно, как катастрофа. В указанный период Л. Толстой создает ряд про-

изведений, соотнесенных с философско-религиозной темой отречения: рассказ «Записки сумасшедшего», повесть «Отец Сергей», драму «Живой труп», сказку «Ассирийский царь Асархадон» (1903 г.). В сюжетах этих произведений особое внимание уделяется таким структурным компонентам, как осознание героем греховности своей жизни, пережитое потрясение и переодевание героя. Но к 1905 г. перед Л. Толстым стояла задача не просто показать человека, испытавшего духовную трансформацию, а создать образ раскаявшегося русского *царя*, чье имя уже обросло легендами.

Повесть Л. Толстого состоит из трех частей, первая из которых представляет собой слово издателя новообретенных записок Федора Кузьмича. Мотивы первой и второй инвариантных структурных частей рассматриваемого сюжета представлены здесь как факты, позволяющие отождествить императора и подвижника. Мотив IX С (обретение записок старца) - сюжетообразующий - вторая и третья части произведения как раз эти записки и представляют.

Вторая часть повести посвящена ключевому событию в жизни царя-старца и представляет собой лиминарную стадию перехода героя от светской жизни к духовной. Фундамент этой части составило народное сказание об Александре I, хорошо известное писателю, и древнерусская переводная «Повесть об Акире Премудром», в основе которой - популярный фольклорный прием замены героя его «двойником».

Федор Кузьмич в «записках» перечисляет грехи, за которые он должен «пострадать», то есть позиционирует себя как разбойник. Так в повести реализуется мотив осознания жизни как греховной (IV A); реализуется этот мотив и как покаянная молитва старца (IV B), для которой Л. Толстой придумывает свой оригинальный текст.

Вторая часть «записок» старца Федора Кузьмича и третья часть повести Л. Толстого озаглавлена «Моя жизнь». По ряду структурных компонентов она восходит к «Сказанию...» Е. Захарова, по интимно-доверительному тону - к «Исповеди» самого писателя. Так, явно используя данные «Сказания...», Толстой сообщает подробности о внешнем виде Федора Кузьмича, о его даре прозорливости, а также предвосхищает присутствующее с 1912 г. во всех жизнеописаниях старца упоминание об его добром, но вспыльчивом характере - свидетельство того, что герой позиционирует себя в двух сферах жизни - как могущественный человек и как смиренный подвижник. Наоборот, история детства героя, традиционно отсутствующая практически во всех разработках сюжета о царе-старце и присутствующая здесь, в повести испытывает влияние антижития (сведения о родителях Александра, о его детских годах).

Для Л. Толстого, которому близка была идея народного утопизма с верой в мгновенное преобразование преступника в Святого, когда «вдруг» проявляются качества истинного нравственного бытия человека, образ отрекающегося и превращающегося в старца царя был чрезвычайно актуален. Безусловно, в оппозиции «царь-старец» Л. Толстой абсолютизировал старца, отобразив из калейдоскопа легенд, слухов и разнообраз-

разных исторических материалов и подвергнув художественной обработке лишь то, что соответствовало его эстетической позиции и представлениям о смысле человеческой жизни и российской истории.

Во втором параграфе - «Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции первой половины XX в.: основные тенденции развития» - рассматривается ближайший литературный контекст повести Л. Толстого, зафиксировавший сюжет об уходе правителя и гарантирующий дискурсивное бытие Федора Кузьмича в первой половине XX в.: творчество символистов, мистиков-духовидцев и писателей-эмигрантов.

В эпоху Серебряного века неотъемлемой частью русского духовного бытия стал процесс мифологизации культуры. Складываются «тексты-мифы», образы и символы которых суть мифологемы - «свернутые метонимические знаки целых сюжетов» (З. Минц). Люди Серебряного века были прекрасно осведомлены в сюжете о царе-старце (см. В. Соловьев «Краткая повесть об Антихристе»). Популяризации легенды о Федоре Кузьмиче в начале XX в. способствовал необычайно возросший в ту эпоху интерес к сектантству (А. Эткинд). Произведения самих сектантов содержали сведения, что Александр сбежал к духоборам (М. Андросов), стал «апостолом» скопцов (Н. Реутский). Вышеизложенное в известной степени объясняет появление мотивов, связанных с фигурой легендарного старца Федора Кузьмича в творчестве А. Белого, Ал. Добролюбова и Д.С. Мережковского, чьи концепции буквально пропитаны религиозностью и мистицизмом.

Так, центральным персонажем «Отрывков из 4-ой симфонии» А. Белого (1903 г.) является «загадочный старец Федор Кузьмич». Присутствует он и в окончательной редакции «симфонии» «Кубок метелей»: там он лишен имени, определен как «ясный», «царственный», «лучезарный», «ясноочий», «чудотворный» странник-старец. Используя легенду о царе-старце, А. Белый сам творил «текст-миф», одним только упоминанием традиционного образа или мотива включая в произведение весь семантический комплекс данного сюжета.

Роман Д.С. Мережковского «Александр Первый» (1911 г.) представляет собой реализацию второй части инвариантной сюжетной схемы, мотивные блоки которой связаны с уходом императора. Акцент сделан на необычайной схожести Федора Кузьмича и Александра I: мистический мотив двойничества, сближающий роман Мережковского и повесть Л. Толстого, проходит через весь текст и становится лейтмотивом. Также идея исчезновения с престола императора апробируется писателем и на судьбе императрицы: в романе появляется ряд намеков на «превращение» Елизаветы Алексеевны в Веру-Молчальницу.

В начале XX века наряду с символистскими сочинениями и оригинальными реалистическими романами (П. Гнедич «Сфинкс», 1911) появлялись тексты иного плана,

авторы которых пытались соединить историческую конкретику и документальность с художественным вымыслом. Иногда такие попытки оказывались довольно удачными (К. Михайлов, Н. Энгельгардт). Но чаще создавались тексты – компиляции из всех имеющихся сведений об императоре и старце (П. Бунин).

С приходом советской власти говорить о представителе царствовавшей династии, совершившем подвиг великой духовной силы, оказалось фактически невозможным, и легендарный сюжет ушел «в подполье». За исключением небольшого количества разоблачительных работ историков фактически никто не говорил о судьбе царя-старца. Поэт, философ, духовидец Д. Андреев обратился к «русской легенде», и видения о царе-старце, посетившие его в заключении, составили основу нескольких страниц «Розы Мира» (1950-1958 гг.) и нескольких строк «Железной мистерии» (1956 г.) - воплощения основных положений уникального трактата.

С середины 20-х гг. и до 60-х гг. XX в. сюжет о царе-старце бытует в среде интеллигентов-эмигрантов и зарубежных авторов (В. Барятинский, А. Куломзин, А. Болотов, А. Бентковский, М. Курдюмова, А. Дубасова, С. Груздев, Д. Вергун, П. Крупенский, И. Лукаш, Е. Глуховцова, С. Бехтеев, Л. Любимов, М. Палеолог, Б. Вышеславцев, А. Айвазовский, А. Серебренников).

Господствующая репрезентация Федора Кузьмича, заключающаяся в отождествлении императора и старца, определяет дискурсивный контекст мифа в начале XX века. Иные интерпретации образа подвижника («апостол» сектантов, бывший митрополит, бродяга, самозванец) связаны с определенными региональными, культурно-идеологическими факторами и являются второстепенными.

В третьем параграфе – «Трансформации сюжета о Федоре Кузьмиче на рубеже XX-XXI вв.: роман Т. Толстой “Кысь” и иные рефлексии сюжета в современную эпоху» - уделено внимание проблеме деконструкции сюжета в указанный период.

С середины XX века сюжет о Федоре Кузьмиче вступает в новую фазу своего развития. С одной стороны, в свете популярности просветительского подхода к освоению традиционных сюжетов, цель которого – знакомство читательских масс с культурным наследием прошедших эпох, сюжет о царе-старце активно *пересказывается*. На этом этапе функционирования сюжета преобладают прозаические жанровые разновидности, облегчающие «пересказ». С другой стороны, в это время заметно изменение сюжетной схемы, введение или исключение персонажей, усложнение проблематики. В ряде случаев такие примеры освоения сюжета подчеркнута полемичны по отношению к своему образцу («Сказанию...» как протосюжету и повести Л. Толстого). В большей степени это продиктовано тем, что эклектичной литературе XX в. чуждо «благоговейное» отношение к традиционным истолкованиям сюжетов. Вследствие этого неизбежно возникает пародирование, высмеивание сюжета, нивелировка его религиозного и, шире, духовного содержания.

Трансформация сюжета о Федоре Кузьмиче обусловлена актуализацией мотивов, ранее мало привлекавших внимание литераторов. Вновь встал вопрос о личности легендарного старца, в подтексте которого – сомнение в царственном происхождении подвижника. В означенном аспекте актуальны произведения Д. Самойлова «Струфиан» (1974 г.), В. Кожаринова «Завещание барона Врангеля» (1992 г.), А.С. Сорокина «Русский бог Трубецкой» (1996 г.), П. Бецкого «Тайна Ф.К.» (2004 г.).

Философский рассказ Г. Петрова «Терпеливый Арсений» (1998 г.) и роман писателя-фантаста Е. Витковского «Земля Святого Витта» (2001 г.) являются образцами синтеза мифа и реалистической эстетики и знаменуют собой перекресток явлений де- и ремифологизации легендарного сюжета о царе-старце в современном литературном процессе. В указанных текстах происходит трансформация пространственно-временных координат, что неизбежно приводит к изменению сюжета, художественно-эстетических и смысловых его характеристик.

Яркий пример трансформации авторитетных мифов культуры в игру с этими мифами представлен в романе Т. Толстой «Кысь», где «демифологизируются» национальная идея и национальные святыни, переосмысливается национальная история России¹. Отрекшийся от власти Александр I – старец Федор Кузьмич, местнопочитаемый Томский святой, для русского народа является скрепой православной веры, одним из символов православной России. В романе же Т. Толстой «карла», «Котя» Федор Кузьмич эти функции утрачивает. К финалу недовольство Набольшим Мурзой возрастает, и ставшие этикетной формулой присловья «слава ему», «долгих лет ему жизни», рефреном проходящие через весь текст, начинают переплетаться с негативными характеристиками: «проклятый тиран-кровопийца», «ирод», «гнида». В обозначенном контексте самый бунт Кудеяра Кудеяровича и Бенедикта, называющих себя революционерами, может быть интерпретирован как редукция темы восстания 1825 г., поднятого «за-развившимися» либеральными идеями Александра I дворянами.

На рубеже XX-XXI веков сюжет о Федоре Кузьмиче претерпевает изменения не только на уровне содержания, но и формы. От строгой, логически выстроенной подачи легендарного материала авторы переходят экспериментам с формой произведений, происходящим в сфере взаимодействия художественных систем. В корпус варьирующих сюжет о царе-старце текстов включаются повести, являющиеся продуктом взаимодействия сентименталистской и реалистической эстетики: «Усыпальница без праха. Записки сентиментального созерцателя» Л. Бежина (1992 г.), «Боюсь я: время обратимо!» Э. Бурмакина (2003 г.).

Заметно увеличивается число поэтических произведений, авторы которых разрабатывают в своем творчестве основные мотивы предания (стихотворения В. Петричко-

¹ Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие. – М., 2003. С. 153.

го, Н. Серебренникова, Н. Ганиной). При этом ряд поэтических опытов оказывается далеко не всегда высокохудожественным (Г. Аккудинов, С. Князев, Н. Хоничев).

Интересна судьба сюжета о царе-старце с точки зрения драматического жанра. Количество пьес, варьирующих легендарный сюжет, представляется весьма ограниченным. Среди них – тексты, возможно, навсегда потерянные для зрителя, читателя и исследователя (Б. Садовской); представляющие библиографическую редкость издания (Ф. Чижевский), существующие только в рукописи, но представляющие материал для постановки на современной сцене (А. Литвин).

Очевидно, что каждая жанровая формация привносит в сюжет присущие только ей элементы. Между тем, ряд константных элементов (мотивы II D, IV A, VI C, IX B, блок VIII) позволяет говорить об исследуемом сюжете как о целостной системе мотивов.

В заключительной части нашего исследования подводятся итоги анализа сюжета о царе-старце в русской литературной традиции и намечаются перспективы дальнейшего изучения.

Сюжет о Федоре Кузьмиче, возникнув как локальное сибирское предание, довольно быстро оформился в национально значимый. Его инвариантную основу составляет сочетание функций одного персонажа, представленного в образах царя и отшельника. Основная сюжетная функция царя – отречение от власти и прошлой светской жизни, основная сюжетная функция отшельника – сокрытие своего прошлого и искупление грехов царя.

Споры вокруг исторической достоверности сюжета, сопутствовавших ему событий и идеологических наслоений не прекращаются. По-прежнему дискурсивный контекст мифа определяет господствующая репрезентация Федора Кузьмича, заключающаяся в отождествлении императора и старца. Иные интерпретации образа Федора Кузьмича («апостол» сектантов, бывший митрополит, бродяга, самозванец), связанные с определенными региональными, культурно-идеологическими факторами, являются второстепенными. Мировоззрение и проблематика аналогичных рецепций образа Федора Кузьмича; сравнительный анализ сюжета о царе-старце и «обратного» сюжета о старце-царе (Федор Кузьмич и Гришка Распутин); структура образов Александра I и Федора Кузьмича в публицистике, мемуаристике и эпистолярном наследии XIX–XX веков составляют перспективу дальнейшего исследования данного сюжета в русской и зарубежной словесности.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI веков: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2008. – № 307. – С. 7–11. (0, 8 п.л.)

2. Гайдукова Е.Б. Отражение легенды о старце Федоре Кузьмиче в творчестве Л.Н. Толстого // Воспитание исторического и национального самосознания: VIII научно-практическая конференция 17-18 ноября. - Красноярск, 2005. - С. 61-80. (0,6 п.л.)

3. Гайдукова Е.Б. Особенности структуры «Жития святого праведного старца Феодора Томского» // VII рождественские образовательные чтения в Красноярске: сборник материалов. - Красноярск, 2006. - С. 69-73. (0, 3 п.л.)

4. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче: генезис сюжетных схем // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. (12-13 сентября 2006 г.) - Красноярск, 2007. - С. 237-248. (0, 4 п.л.)

5. Гайдукова Е.Б. Корпус легенд о старце Федоре Кузьмиче: проблема циклизации сюжета // VIII рождественские образовательные чтения в Красноярске: сборник материалов. - Красноярск, 2007. - С. 63-66. (0, 2 п.л.)

6. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о старце Федоре Кузьмиче: проблема трансформации сюжета на рубеже XX-XXI веков // Научное обозрение. Научно-образовательный журнал. - Москва, 2007. - № 4. - С. 114-119. (0, 7 п.л.)

Подписано в печать 03.03.2008

Тираж 100 экз. Заказ № 77 Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 1,5. Бумага офсетная.

Отпечатано ИПК КГПУ,

660060, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89,

тел.: 23-48-60

2